

УДК 821.161.1-1

МНОГОЛИКИЙ ДОН ЖУАН. ТРАКТОВКИ ОБРАЗА В ПОЭЗИИ СИМВОЛИСТОВ XX ВЕКА

О. А. Каинова

Институт международного права и экономики им. А. С. Грибоедова
кафедра истории журналистики и литературы

В статье дается интертекстуальная характеристика интерпретаций образа Дон Жуана, переработка классического сюжета и переосмысление образа Дон Жуана через художественное видение старших символистов и младосимволистов XX века.

Ключевые слова: «вечный образ»; тип; символ; архетип; мифема.

Попытки отследить легенду Дон Хуана до исторического источника подчеркивают театральность, заложенную в мифе: Н. С. Гумилев утверждал, что легенда драматурга Тирсо де Молина вдохновила одержимого поклонника игры перенять ее в реальной жизни [5, с. 176–177]; в другой предполагаемой оригинальной версии Дон Хуан соблазняет лишь двух дворянок, каждый раз выдавая себя за разных дворян: сначала герцогом Октавио, затем маркизом де ла Моте [9, с. 78]. Он в обоих случаях обманщик: его непрерывное паломничество позволило ему перевоплотиться бесконечное количество раз. Таким образом, уместной выглядит ссылка на занавес в стихотворении Блока, предполагающая, что мы находимся в театре [4, с. 50]:

Тяжкий, плотный занавес у входа,
За ночным окном — туман.
Что теперь твоя постылая свобода,
Страх познавший Дон-Жуан? [1, с. 80]

Фраза «постылая свобода» отсылает нас к «Евгению Онегину» А. С. Пушкина. Как и Онегин, Дон Жуан Блока – антигерой, который переживает прозрение и начинает осознавать, что его жизнь была бессмысленна. В отличие от Дона Джованни да Понте, Дона Гуана Пушкина или Донов Хуанов Мольера и Бодлера, этому Дон Жуану автор / рассказчик не позволяет переступить порог смерти, доказывая свое мужество. Он остается в лиминальном пространстве – ни жив, ни мертв. Еще один контраст с данными версиями заключается в том, что нам не показано ни единое из преступлений, совершенных Доном Жуаном, лишь констатируется факт предательства блаженства. Таким образом, его предательство берет на себя онтологический аспект: как Фрейд говорит об Эдипе, его преступления могут быть нашими [8, с. 262]:

Холодно и пусто в пышной спальне,
Слуги спят, и ночь глуха.
Из страны блаженной, незнакомой, дальней
Слышно пенье петуха.
Что изменнику блаженства звуки?

Миги жизни сочтены.
 Донна Анна спит, скрестив на сердце руки,
 Донна Анна видит сны.

...

Пролетает, брызнув в ночь огнями,
 Черный, тихий, как сова, мотор,
 Тихими, тяжелыми шагами
 В дом вступает Командор...
 Настежь дверь. Из непомерной стужи,
 Словно хриплый бой ночных часов –
 Бой часов: «Ты звал меня на ужин.
 Я пришел. А ты готов?..»
 На вопрос жестокий нет ответа,
 Нет ответа – тишина.
 В пышной спальне страшно в час рассвета,
 Слуги спят, и ночь бледна.
 В час рассвета холодно и странно,
 В час рассвета – ночь мутна.
 Дева Света! Где ты, донна Анна?
 Анна! Анна! – Тишина.
 Только в грозном утреннем тумане
 Бьют часы в последний раз:
Донна Анна в смертный час твой встанет.
Анна встанет в смертный час [1, с. 80–81].

«А ты готов?» – вопрос, заданный в домашней обстановке посреди ночи, сразу напоминает Евангелие от Матфея, а также Евангелие от Луки: «Итак, бодрствуйте, потому что не знаете ни дня, ни часа, в который придет Сын Человеческий. Но это вы знаете, что, если бы ведал хозяин дома, в какую стражу придет вор, то бодрствовал бы и не дал бы подкопать дома своего. Потому и вы будьте готовы, ибо в который час не думаете, придет Сын Человеческий» (Мф. 24: 42–44); «Но Бог сказал ему: безумный! в сию ночь душу твою возьмут у тебя; кому же достанется то, что ты заготовил?» (Лк. 12: 20).

Вопрос о готовности, естественно, напоминает и декларацию Гамлета, акт V, сцена 2 (незадолго до дуэли, которая обрывает его жизнь), что «готовность – это все» [7], в переводе Н.И. Гнедича звучит как «Надо всегда быть готовым». Замечание возникло из ссылки на другой отрывок из Библии – Евангелие от Матфея (10: 29). Пенье петуха во второй строке – еще одно поразительное эхо Священных Писаний, напоминающее тройное отрицание Петром Христа, предсказанное последним в Евангелии от Матфея (26: 33–35), Евангелии от Марка (14: 29–31), Евангелии от Луки (22: 33–34) и Евангелии от Иоанна (13: 36–38); и наставление Христа быть бдительным в Евангелии от Марка (13: 25–37). Любопытно, что три вопроса адресованы Донне Анне, три Дону Жуану, и трижды говорится о холоде, царящем в этот момент, и соответствуют Петру, трижды отрицавшемуся Христа. Предательство Девы Света соответствует тому же предательству, но здесь впервые женская ипостась божественного лишена своего чудовищного аспекта, так как он переходит к Ангелу Отмщения, Командору.

Противоречивая, парадоксальная природа Дона Жуана сделала его очень привлекательным для старшего поколения поэтов-символистов, что подтверждают сонет В.Я. Брюсова и цикл К.Д. Бальмонта на эту тему. Любопытно сравнить стихи Бальмонта (1897) и Брюсова (1900) на тему Дона Жуана со стихотворениями Блока и Гумилева, чтобы увидеть огромную разницу между старшими символистами и младосимволистами. И Бальмонт, и Брюсов вкладывают апологичность в мифическую фигуру как гуманистического пионера, свидетельствуя о величии чувственности («Он видел сон земли, не сон небес») и об огромной множественности человеческих взаимоотношений:

В любви душа вскрывается до дна,
Яснеет в ней святая глубина,
Где всё единственно и неслучайно.
Да! Я гублю! пью жизни, как вампир!
Но каждая душа – то новый мир,
И манит вновь своей безвестной тайной [2, с. 158].

Этот подход, абсолютно брюсовский в своем непереносимом технократическом позитивизме, знаком нам по его стихотворениям на математические и металлургические темы: его Дон Жуан проводит большой научный эксперимент, что будет продвигать человеческие знания. З.Н. Гиппиус позднее (в 1926 г.) написала «Ответ Дон-Жуана», в котором она представляет Дон Жуана как искателя идеала: «Дон-Жуан любил всегда одну» [3, с. 505]. Эта контр-традиция, в которой Дон Жуан по крайней мере частично подтверждается как знатный идеалист, как представляется, началась с рассказа Э. Т. А. Гофмана «Дон Жуан», будучи ответом на оперу Моцарта [6, с. 186–256]. Любопытно, что чтение Гиппиус легенды согласуется по своей сути с психоаналитическими чтениями М. Кляйн и О. Ранка. Как видим, Гумилев применяет аналогичную трактовку в другом стихотворении, хотя и не ссылается на Дона Жуана по имени.

Список литературы

1. Блок А. А. Стихотворения: В 3 кн. Кн. 3. (1905–1914). М.: Мусагет, 1916. 272 с.
2. Брюсов В. Я. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 1. Стихотворения 1892–1909. М.: Худож. лит., 1973. 672 с.
3. Гиппиус З. Н. Живые лица: воспоминания, стихотворения. М.: Рус. книга, 2002. 700 с.
4. Дмитренко С. Ф. О проблематике стихотворения «Шаги командора» // А. А. Блок и мировая культура: мат. науч. конф. (14–17 марта 2000 г.). Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2000. С. 48–62.
5. Одоевцева И. В. На берегах Невы: Литературные мемуары. М.: Худож. лит., 1988. 334 с.
6. Актуальные проблемы современной мифопоэтики: уч. пособие. М.: Флинта, 2011. 530 с.
7. Шекспир У. Гамлет: Антология русских переводов [Электронный ресурс]. URL: http://lib.ru/SHAKESPEARE/shks_hamlet20.txt_with-big-pictures.html. (Дата обращения: 10.12.2017.)
8. Freud S. The Interpretation of Dreams. N.Y.: Basic Books, 2010. 677 p.
9. Pospiszyl K. Tristan i Don Juan czyli Odcienie miłości mężczyzny w kulturze europejskiej. Warszawa: Iskry, 1986. 164 s.

**MULTIFACETED DON JUAN. ARCHETYPE INTERPRETATIONS IN THE
SYMBOLISTS POETRY OF THE XX CENTURY**

O. A. Kainova

Institute of International Law and Economics named after A.S. Griboyedov
the Department of Journalism History and Literature

In the article the author gives an intertextual description of the interpretations of the image of Don Juan, the remaking of the classical plot and a reinterpretation of the image of Don Juan through the artistic vision of the senior Symbolists and Young Symbolists of the 20th century.

Keywords: *“eternal image”; type; symbol; archetype; mytheme.*

Об авторе:

КАИНОВА Ольга Александровна – аспирант кафедры истории журналистики и литературы Института международного права и экономики им. А. С. Грибоедова (111024, Москва, шоссе Энтузиастов, 21), e-mail: o.kainova@mail.ru.

About the author:

KAINOVA Olga Aleksandrovna – Postgraduate Student at the Department of Journalism History and Literature, Institute of International Law and Economics named after A. S. Griboyedov (111024, Moscow, Enthusiastov shosse, 21), e-mail: o.kainova@mail.ru.